

Дмитрий Иванович во весь рост

К выходу в свет «Дневников» Д. И. Блохинцева

Итак, долгожданное свершилось – в мае вышла в свет великолепно изданная книга «Д. И. Блохинцев. Дневники 1955–1975». Это значительное событие, и не только в жизни нашего Института: безусловен вклад Дмитрия Ивановича в развитие науки в нашей стране и в ее представление в мировом научном сообществе. Выдающийся ученый и великий создатель, стоящий у истоков создания двух важнейших научных центров – Физико-энергетического института в Обнинске и Объединенного института в Дубне и ставший их первым директором, Дмитрий Иванович Блохинцев был человеком удивительного многообразия талантов и интересов, человеком угасающей, к сожалению, породы мощных универсалов познания и культуры.

Наша газета уже откликнулась на выход «Дневников» в номере от 9 июня прекрасной статьей А. Расторгуева и рассказом Г. Мялковской о презентации книги в Музее истории науки и техники ОИЯИ, включающим подробное интервью с директором музея Н. Кавалеровой. Главная задача данной статьи – на основе «Дневников» представить масштаб личности Дмитрия Ивановича. Он был очевиден близкому кругу тесно сотрудничавших с ним коллег и учеников, но перед широким кругом читателей его разносторонность впервые предстала во всей великолепной своей полноте. Вот как обозначил ее грани сам Д.И., выстроив их лесенкой:

«Я физик-теоретик.

Я философ.

Я инженер.

Я поэт.

Я художник.

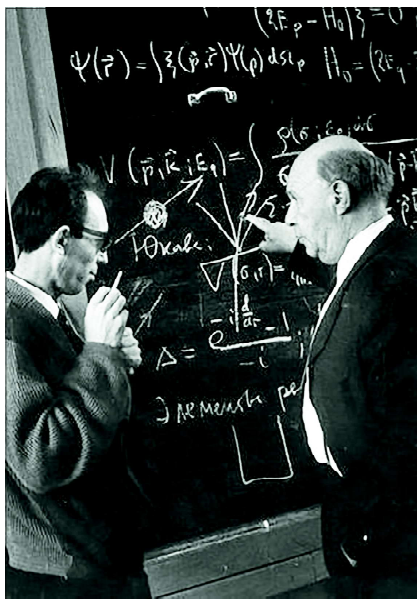
Я дипломат.» (с. 291)*

Почти все эти грани-ступени с достаточной полнотой высвечиваются в дневниковых записях. Итак,...

Я физик-теоретик

Здесь трудно добавить что-либо к информации в статье А. Расторгуева, в которой он подробно представил самые драматичные страницы научной биографии Дмитрия Ивановича. Разве что вот эти записи:

«Ногти уже в крови, а надо карабкаться опять и опять, и я буду карабкаться опять и опять, несмотря ни на что» (с.101). Это не запись альпиниста-скалолаза, которым Д.И. тоже был, это запись физика-теоретика о трудных путях решения поставленных перед собой задач.

В ЛТФ с А. В. Ефремовым.

«Я вспомнил С. И. Вавилова, который, увидев ускорители, сказал: «Колоссаль, вертикаль и пирамида – но раньше на столе делали большие открытия».

Сейчас любят дискутировать «полный набор опытов». Но, может быть, важнее «полный набор мыслей!» (с.45).

«Я оставил пост директора, рискнул понизить себя в «чине» (что в России всегда было опаснейшим шагом), и все ради того, чтобы посвятить остаток лет решению той проблемы, которой загнипнотизирован уже многие годы...» (с.306).

«Наука становится профессией. Ученые не будут отличаться от средних людей своего времени... Но всегда будет узкая каста – богом меченные приверженцы религиозного отношения к науке... Людей, преклоняющихся перед тайной красотой мира, жаждающих опьяниться ею, молиться ей и понять ее. Людей, относящихся к природе не как хвастливый любовник, а как преклоняющийся перед ее красотой и тайной рыцарь...» (с.164).

Я философ

Предшествующая запись – это, собственно, мысли не только ученого, но и философа. И вот в этой своей ипостаси Д.И. предстает нам многожды – и в широчайшем круге упоминаемых им прочитанных книг писателей-мыслителей и в его собственных размышлениях:

«...в споре рождается истина». Не ошибочное ли это мнение? Кто это сказал? *Истина рождается в размышлении*» (с.132) (Здесь и да-

лее те части, что набраны курсивом в «Дневниках», обозначены в статье жирным шрифтом. Краткие сокращения в цитатах помечены знаком (.../).

«Индивидуализм – это смерть общества, а коллективизм – смерть личности. Развитие возможно лишь в их противоречии.

Путь «коллективизма» может завести нас в «в новый бравый мир» (Huxley¹). Путь индивидуализма – в мир немощи, бесплодия и бессилия» (с.58).

«Склад ума настоящего ученого всегда был и будет противоположен складу ума правителей, ибо только ум ученого способен к безграничной и беспощадной самокритике и критике» (с.105).

«300 лет татарского ига, 300 лет помещиков и царей страшной гримасой заглядывают в наше время...» (с.111).

«От революции до революции лучше всего живется обывателю и Мещанину. Они вечно будут живы, вечно будут надежной защитой Властителей от людей беспокойных, думающих, от ненавистной ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» (с.162).

«Новое рождалось не под призывные крики толпы. Новое рождалось под крики «Распни его!» (с.183).

«...истинное искусство всегда оппозиционно к своему времени, ибо оно открывает новое и зовет в дали невиданные и неслыханные.

Творцы же нового всегда еретики. Им и слава моя.» (с.57).

«(Ручной поэт – это не поэт, а теленок. Я думаю, это вечно, это диалектика всякой эпохи: рождающееся в ней новое вступает в противоречие со старым. Это было вчера, это есть сегодня, это будет завтра.)

И никогда не родится великий Салтыков-Щедрин, чтобы на арфе воспевать мудрость властей предрержащих» (с.52).

«Русская интеллигенция – это не профессия, не положение... Это люди высокой духовной культуры и ответственности – из любого социального слоя... Можно ли каждого академика назвать интеллигентом?! Нет. Только немногих! Можно ли всех рабочих считать не интеллигентами? Нельзя. Многие из них интеллигенты в самом высшем смысле этого слова» (с.181).

«Вчера смотрел «Нюрнбергский процесс» Стенли Крамера. Всю ночь снились кошмары... Ужасно видеть этот фильм и продолжать

¹ Олдос Хаксли (Aldous Huxley; 1894-1963) – английский писатель, фантаст, новеллист и философ. Автор известного романа-антиутопии «О дивный новый мир».

молчать и молчать... Говорить могут только чиновники... Мы должны молчать... Что мы делаем для мира? Лучшие люди ушли в свое ремесло или искусство или, как солдаты, исполняют свой долг... Великий Боже! Помоги нам, твоим созданием, перешагнуть через барьер нашего невежества...» (с.139).

А вот запись после прочтения мемуаров Г. Жукова:

«Миллионы лишних жертв – вот цена сталинскому тулоумию, породившему дикую идею о возможности мирного сосуществования страны коммунизма и страны фашизма.

Его авторитет был непререкаем. Авторитет ли? Скорее, страх, именно страх царил в его свите. А чего стоит нелепая идея звонить в германское посольство утром 22 июня! О, Боже! Какая тупость! Как страшно! Как ужасно!

Нечего сказать, защитил т. Жуков великую личность т. Сталина!» (с.192).

«Поменьше бы нашему народу исторических личностей, очень уж это дорогое удовольствие» (с.37).

«Трагедии Шекспира – пустяки по сравнению с трагедией современности. Гамлет мучился «to be or not to be?». Только один Гамлет. Теперь все человечество задает этот вопрос» (с.104).

Я инженер

В 1951 году постановлением Совета министров СССР Д. И. Блохинцев и П. И. Захаров назначаются ответственными за сооружение АЭС в городе Обнинске. В июне 1954 г. первая в мире атомная электростанция была успешно запущена.

В 1955 году Д.И. выдвинул идею импульсного реактора на быстрых нейтронах. Под его руководством в

1960 году в ОИЯИ был построен ИБР-1, а затем он руководил на начальной стадии осуществления проекта строительством более мощного реактора ИБР-2, пущенного в эксплуатацию в 1981 г. Причем Д.И. присутствовал и давал ценные указания не только в пуске ИБР-1 и в физическом пуске ИБР-2 в 1977 г., но принимал участие и непосредственно в строительстве обоих реакторов, что было не раз запечатлено нашим фотолетописцем Ю. А. Тумановым и вот такой записью в дневнике от 19 апреля 1975 года:

«Сегодня был на Ленинском субботнике. Работали на ИБР-2. Бетонировали одно из помещений. Признаться, люблю физическую работу, люблю и стройки... Книги тоже... Это все противопоставляю суете заседаний, собраний...» (с.332).

Я поэт

Автор «Дневников» был человеком широчайшей культуры, и на их страницах вы найдете очень много имен писателей и поэтов разных времен и разных стран – от Библии и Данте до В. Маяковского и Б. Пастернака. И зачастую это не просто упоминания, а цитации, причем поэтов зачастую он цитирует на языке оригинала. Но поэзию Дмитрий Иванович любил активно – сам писал стихи. Не раз они публиковались в журналах и часть из них вошла в сборник «Муза в храме науки» (М. Сов. Россия 1982 г.; переиздан в 1988 г.). Изредка стихи у Д.И. рождались непосредственно по ходу написания дневника. Вот, например, отрывок из стихотворения на стр. 141:

.../Я люблю быть
Неотличимым
От неба и от травы,

От воды и земли...

(От людей...)

Великое небо! Травы

И леса земли!

Высокие горы,

Скалы и снега,

Укройте меня

От сверлящих глаз

Тех, кто имеет власть.

Пусть они грызутся между собой!

Но гораздо чаще поэтическая природа Д.И. являет себя в тех фрагментах текста, которые смело можно назвать стихами в прозе. Вот его реакция на впервые увиденную в Америке тысячелетнюю секвойю:

«Секвойя, огромная, с непостижимо гигантским основанием, как бы хочет сказать: «Когда я была маленькой и юной, фараоны еще не начинали строить пирамид. Я не спешу жить. Вас не будет, а я буду смотреть на других, на многих, многих других. Они придут, чтобы поклониться вечности. Но могут ли они понять ее?» (с.40).

Вот его отклик на пролет журавлей:

«Они были так далеко, что я обнаружил их по «курль-курль». Они шли не совсем правильным треугольником, высоко над городом.

.../ До свидания, журавли.

.../ Мы плохо знаем психологию других живых существ. Мы встаем на простую позицию, отказывая им в мышлении.

Однако о чем думают журавли? Хорошо ли им, плохо ли? Радует ли их перелет? Счастливы ли они, наконец?

А ты скажи, человек,

Ты счастливей теперь,

Чем в пещерный век?

(Сделал ли атом человека счастливым?)» (с.56).

Вот вкрапление в рассказ о 9-й Международной конференции по физике высоких энергий в Киеве в 1959 году:

«Был во Владимирском соборе.

.../ слушал хор .../.

Под высокими сводами неслись звуки, отражались и вновь взлетали, и звучали уже оттуда совсем издали...

.../ И еще слышал я «Ныне отпускаеши...», и всё так было просто и величественно в своей простоте и непосредственной постижимости. Душа отдыхала от трескучести современной жизни. Было очень и очень хорошо... Казалось, что и жизнь, и смерть, и прошлое, и настоящее, и неразгаданное будущее все слились в гармоничном единстве, и звуки, летавшие в храме, говорили об этой гармонии, о ее значимости и глубине» (с. 77).

(Продолжение следует.)

1974 год. На субботнике на строительстве реактора ИБР-2.